

Дики адыгского прошлого



ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 4 (138)

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

АДЫГОВ В XIII - XV ВЕКАХ

Продолжение, начало в
выпусках 2 (136), 3 (137).

**Черкесо-франки:
этнокультурная общность
на перекрестке
цивилизаций**

Этнокультурный облик Черкесии на протяжении XIV – XV вв. определялся не только процессом формирования адыгских княжеств и субэтнических подразделений – жанеевцев, хегаков, хатукаевцев, темиргоевцев, кабардинцев и др., но и интеграцией в адыгское пространство значительных по численности этнических общин неадыгского происхождения. Для этого периода можно говорить об интеграции греков, армян, евреев, генуэзцев.

Неисследованной проблемой остается история черкесо-франков, под именем которых было известно смешанное адыго-генуэзское население. Время существования этой этнокультурной общности – конец XIII – первая половина XVII в. Территорией формирования были как западные районы Черкесии, особенно Таманский полуостров, так и генуэзские города восточной части Крымского полуострова. Процесс затрагивал, по всей видимости, все социальные слои двух народов, включая самые знатные семьи. Со стороны «франков» фигурируют по большей части генуэзцы, но встречаются семьи из других городов Италии – Венеции, Флоренции и пр.

Социальные и политические условия процесса формирования общины были обусловлены большой заинтересованностью участников италийской колонизации Черного моря в поддержании дружеских контактов с представителями местных народов. Второй большой канал для формирования общины – вывоз черкесских рабов в Каффу и другие генуэзские города и поселения Крыма, а также в Тану, находившуюся под совместным контролем Генуи, Венеции и Орды. Эмансипация бывшей невольницы происходила через законный брак, после чего она могла стать матерью и даже главой влиятельного се-

мейства, распоряжаться значительными ресурсами. Амброджио Контарини упоминает черкешенку донну Марту, которая первоначально как рабыня принадлежала одному генуэзцу, а затем другой генуэзец женился на ней. (Контарини А. Хождение в Персию / Подготовка текстов, комментарии и примечания Е.Ч. Скржинской // Каспийский транзит. Т. 2. М., 1996. С. 250). Для невольников была открыта служба в армии, флоте, ремесленные мастерские, церковные институты.

Гораздо большее число невольников увозилось в города северной части Италии, но здесь потомки итало-черкесских браков были расселены крайне дисперсно, чтобы можно было говорить о существовании здесь черкесо-«франкской» общины. Речь может идти об отдельных примерах того, как складывалась судьба черкесских рабов и потомков смешанных браков.

Для появления устойчивой общности важнее были контакты между свободными людьми, обладавшими собственностью и, как следствие, способными осознавать свои политические и социальные интересы. На территории Каффы и Крыма в целом такая община уже была достаточно заметна на общей этнографической карте. Учитывая политическое и экономическое значение Черкесии, родственные связи и знание языка могли предоставлять значительные возможности для небольшой, но влиятельной общины черкесо-франков. Неслучайно, что она просуществовала вплоть до XVII в., пережив генуэзскую Каффу на более чем полтора столетия. В этом плане можно провести параллель с генезисом черкесогаев, которые также могли начать формироваться, еще проживая в ханском Крыму. В 1768 г. австрийский путешественник Клеман подчеркивал, что многие армянские купцы в Каффе женаты на черкешенках. (Клеман. Путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, также в земли бюджетских и ногайских татар и во весь Крым, с возвратом через Константинополь, Смирну

и Триест в Австрию в 1768 – 1770 гг. // Северный Кавказ в европейской литературе XIII – XVIII веков. Сборник материалов. Издание подготовил В.М. Аталиков. Нальчик, 2006. С. 193).

Черкесы упоминаются как одна из национальных общин Каффы в 1475 г., во время захвата города османами. (Мурзакевич Н. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837. С. 79 – 80; Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М.: Наука, 1990. С. 42).

После 1475 г. некоторая группа граждан Каффы переселилась в Черкесию, поскольку имели там родственников по женской линии. Другая часть осталась в Крыму, поступив на службу хану. Они имели весьма высокий социальный статус в ханстве и сохраняли этнокультурную обособленность еще в 30-е годы XVII в.

В 1634 г. префект доминиканской миссии в Каффе Эмиддио де Асколи оставил весьма ценное описание этнографического облика этой общины: «По выходе замуж женщины долгое время, иногда годами, не показываются ни теще, ни деверям, ни близким родственникам, живя отдельно от них, хотя бы в одном и том же доме, а при случайной встрече они отворачиваются и склоняют лицо, дабы не видеть их. По истечении этого времени молодую женщину угощают обедом и дарят ей хорошее платье или шубу, или же что другое, по ее вкусу, предварительно узнав, чем бы ей угодить. Затем ее принимают в дом с поцелуями и добрыми пожеланиями; тогда у нее быть может уже двое или трое детей. Начиная с этого дня, молодая супруга имеет право ходить туда в любое время и есть вместе со всеми, но в присутствии тещи ей не разрешено говорить или отвечать другим, даже мужу; она может объясняться лишь знаками. Это продолжается один год. После чего тещь дает ей второй обед и делает вто-

рой, меньший подарок, и она приобретает право говорить по мере надобности.

Все эти обрядности существуют поныне у наших латинских христиан в Феччиале (fessiala), именующих себя черкесами-франками (Serchessi franchi). Когда турки отобрали у генуэзцев Каффу, около 180 лет тому назад, многие из знатных были увезены в Константинополь, где им отвели улицу для жилья, поблизости дворца императора Константина Великого, которая ныне называется «Кеффе-магалази» (chieffe Mahalasi); там проживают теперь только две семьи. Другие ушли в Чиркасию из-за своих жен, ибо многие женились на чиркашенках, так что в настоящее время получили от чиркасов название френкардаш (french Cardase), что на их языке значит – френки наши братья. Иные остались в Каффе, но за отсутствием латинского богослужения и такового же священника они, следуя за своими женами-гречанками (здесь под термином греческий или греки имеется ввиду принадлежность к византийскому, греко-православному, восточному христианству; поэтому словосочетание жена-гречанка следует понимать как жена-православная, прим. С.Х.), перешли в греческое вероисповедание. Иные же остались при дворе хана, даровавшего им селение, называемое Сивурташ (Sivurtase), т.е. остроконечный камень, которое до сих пор существует и заметно издали. Хан дал им также бея той же национальности, называемого Сивурташбеем. Хан очень дорожил ими и отправлял их в качестве послов в Польшу и к другим христианским государям; сделал их всех спагами (spaḥa), т.е. придворными дворянами; избавил их от уплаты податей, десятины и прочих налогов, обязав только сопровождать хана на войну. Со временем бей перешел в магметанство, многие последовали его примеру. Сивурташ находится на близком расстоянии от ханского дворца, поэтому приезжавшие к хану знакомые или родственники чиркасы уходили затем к не-

многим христианам, оставшимся в Сивурташе, и сильно стеснялись тех, а потому они, 30 лет тому назад, со всеми семьями переселились в Феччиалу, на полдня пути далее, но в стороне, в прелестной местности, орошенной рекой, с источниками вкуснейшей воды и изобилием плодов. Они наравне с чиркасами пользуются льготами и имеют одинаковые с ними обычаи и обряды, но, из боязни хана, вместо мечей им служат языки для злословия; единодушны они бывают только когда пьют вместе. Выделяют вино и едят обыкновенный хлеб. Их всего 12 домов, всегда бывших латинского вероисповедания, заимствованного из Польши или Италии, но говорят они не по-итальянски, а по-турецки, татарски и чиркасски. Они хорошо знают «Отче наш» и «Богородицу» по латыни. Мы же исповедуем их и говорим проповеди на материнском языке страны, т.е. по-турецки. Мужчины, сопровождающие хана на войну, по уходе от него, пускаются грабить вместе с татарами, а пленных и их детей ставят ниже рабов, отнимая у них навеки надежду на освобождение, если только они не выкупятся за деньги, и заставляя обрабатывать свои земли, на которые сами даже и не заглядывают. Они не хотят терпеть ни наставлений, ни осуждений, ни постановлений; таких мы укрощаем неотпущением грехов, до тех пор, пока они не сократят надлежащим образом срок неволи пленным. У них было принято долголетнее сожительство с женщинами, от которых имели детей, а потом призывали священника, хотя бы греческого, и венчались с этими женщинами; но мы и это исправили. Подобно чиркашенкам, тамошние женщины, выйдя замуж, не показываются и, даже еще хуже, за все время такой жизни не хотят посещать церковь, из боязни встречи с родственниками, и в этом нас не следует упрекать, ибо мне немало стоило уговорить одну из них, после 4-х лет стараний, прийти в церковь. Полагаю, что таким образом и

хуже того поступали бы женщины в Чиркасии, в силу философского правила: Propter quod unum quodque tale, et illud magis («почему она такая, а я не такая», прим. С.Х.), ибо, если наши женщины, всегда имевшие духовных отцов для обучения, придерживаются, по примеру чиркашенок, столь диких обычаев, то чиркашенки еще продолжительнее воздерживались бы от посещения церкви, так как у чиркасов нет ни храмов, ни священников, а имеются лишь так называемые шугуны (seiguen), заменяющие духовных лиц». (Описание Черного моря и Татари составили доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Кафы, Татари и проч. 1634 г. Перевод Н.Н. Пименова. Издано с примечаниями п. чл. А.Л. Бертье-Делагарда // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XXIV. Одесса, 1902. Отд. II. С. 127 – 129).

Перед нами свидетельство бытования обычая избегания [9, с. 73 – 77], который, по всей видимости, как это прямо подчеркивает Асколи, был перенят черкесо-франками у своих черкесских родственников. Асколи подчеркивает, что черкесо-франки говорят на трех языках: турецком, татарском и черкесском. Таким образом, черкесский был единственным родным языком, а итальянский был утерян. Проповедь велась на турецком, поскольку Каффа являлась административным центром османского санджака.

Наиболее влиятельное семейство черкесо-франков – черкесская ветвь генуэзской аристократической фамилии Гизольфи. Об отношениях этой семьи с черкесами см. предыдущий выпуск «Ликов...».

Сохранилось письмо Э. де Гизольфи, написанное им из окрестностей замка Матрика 12 августа 1482 г. протекторам банка Сан-Джорджио в Генуе, в котором он сообщал, что по взятии его замка (lo mio castello de la Matrega) турками, он отправился в Геную, но, будучи ограблен воеводой Валахии Стефаном (Stefano Vaivoda), возвратился во «владение нашего острова Матрика» (Campragna in Insula nostra Matrice), где черкесские князья разорили его до такой степени, что он вынужден просить Сан-Джорджио о денежной субсидии в тысячу дукатов (20. Atti della Società Ligure di Storia Patria. Vol. IV. Fascicolo III. Genova, 1867. С. 257). Субсидия предназначалась для выплаты черкесским князьям: «если им не давать, то станут врагами, а мне нужно во всяком случае их иметь на своей стороне». (Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV веках // Исторические записки. 1938. Т. 3. С. 128–129).

В 1503–1504 гг. Заккария де Гизольфи под именем Захарьяш Чаркашенин упоминается в литовских посольских источниках, как получатель королевских подарков. (Довнар-Запольский М.В. Литовские упоминки татарским ордам. Скарбовая книга Метрики

Литовской 1502 – 1509 гг. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. N 28. Симферополь: Типография Спири, 1898. С. 38, 43).

Сын Захарии Вицент был одним из наиболее важных представителей черкесской элиты и, вполне вероятно, стал лидером черкесо-франков в Крымском ханстве. Видимо он, как «Захарын сын Черкашанинов», упоминается в посольском источнике за 1502 г. в числе тех, кто ограбил русского купца. (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской Ордами и с Турцией. Т. I // Сборник императорского Русского Исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 441).

В 1505 г. Вицент преподнес королю «плеть чаркаскую». В 1507 г. упоминаются «Августин Фряжин и мурза Вицентей Захарын сын» и его сестра, которая также сделала маленький подарок королю. Августин Фряжин, по всей видимости, также представитель черкесо-франков. В 1521 г. князь Вицент упоминается в листе короля Сигизмунда I Старого (1506 – 1548) (Жикгимонта) к царю Мехмед-Гирею I (1515 – 1523). Указывается, что этот хан трижды прислал Вицента к королю. (Довнар-Запольский М.В. Литовские... С. 47, 55, 84).

Появление и длительное существование общины черкесских «франков» стало результатом интенсивных контактов участников итальянской колонизации с населением Северо-Западного Кавказа. Высокий социальный статус черкесо-франков был обеспечен брачными союзами знатных семейств. Заккария де Гизольфи, наиболее влиятельный генуэзский аристократ, рожденный черкесской княжной, был, фактически, одним из князей Черкесии и проводил независимый от воли властей Каффы политический курс. Крымские ханы привлекли к себе на службу ряд наиболее важных черкесо-франков, даровав им значительные властные привилегии и используя их как проводников своего влияния на Черкесию.

Черкесские рабы в Западном Средиземноморье (последняя треть XIII – XV вв.)

Значимым социокультурным явлением периода позднего средневековья в истории Черкесии стала работорговля. Большая часть невольников увозилась в Египет и другие страны Ближнего Востока [1]. В рамках как российского кавказоведения, так и истории Северо-Западного Кавказа импорт черкесских рабов в Геную и другие государства европейской части Западного Средиземноморья изучен еще в далеко недостаточной степени. В то же время существует ряд весьма основательных исследований, посвященных истории работорговли в государствах Западного Средиземноморья [2; 4; 5; 11; 22]. Эти исследования ввели в научный оборот огромную массу нотариальных актов, свя-

занных с продажей невольников. Таким образом, изучение существующей литературы позволяет вычленить корпус данных, напрямую касающихся продажи черкесских (зихских) рабов.

Методологически крайне важен исследовательский ракурс, при котором этот вопрос рассматривается не только как часть исторического процесса в бассейне Средиземного и Черного морей, но и в плане закономерностей и факторов, воздействовавших на развитие черкесского историко-культурного пространства.

Настоящая статья призвана решить две задачи: 1) показать масштаб и географию торговли невольниками из Черкесии; 2) выявить значимые для истории и исторической этнографии Черкесии данные, которые будут способствовать прояснению некоторых важных вопросов адыгской истории этого периода.

В источниках этого периода адыгское население Северо-Западного Кавказа маркируется двумя этнонимами – зихи и черкесы. Данные наименования являются синонимами при очевидной тенденции все более частого использования термина черкесы.

Исследователь генуэзской работорговли М. Балар, на основе данных из нотариальных актов, а также на основе всей массы источников этого периода, отмечает, что этнонимы черкесы (Circassiens) и зихи (Zygues) являются синонимами, а личные имена Джаркасиус (Jharcasius, жен. Jarcahia, Cerchasia, Charcasia и т.п.) и Zichi (жен. Zicha, при всей вариативности) указывают на черкесское происхождение [2; 291, 300, 303]. П. Пеллио отмечает зихское (черкесское) происхождение слуги по имени Ziquo, находившегося на службе у францисканского миссионера в Средней Азии Паскаля де Витториа (Pascal de Vittoria), упомянутого в письме последнего в 1338 г. [3; 79 – 80].

В генуэзских источниках первоначально закрепляется форма джаркас и только потом появляется более адаптированная под итальянское произношение форма чиркас. Так, зихские пираты, действующие у побережья Зихии, определяются в контракте капитана Вивальдо Лаваджио (апрель 1290 г.) как джаркасы (jarchaxi) [4; 271 – 272].

В 1272 г. в Генуе упоминается Роландо Чаркасио (Rollando Carcasio), вероятно, черкес по происхождению, за которого был внесен налог как за невольника [5; 637]. Это можно считать первым упоминанием о черкесском рабе в Генуе. В октябре 1281 г. в Пере, генуэзской колонии Константинополя, черкесская невольница была приобретена Дживанни Гарибо ди Фосталетто [5; 638 – 639].

М. Балар отмечает, что большинство рабов, проданных в Каффе в 1289 – 1290 гг., происходило из соседних регионов Кавказа: черкесы или зихи составляли 44% продаж, 23% – лазы, абхазы – 11%, куманы – 3,5%. В Генуе, черкесы составляли 45% от всех



восточных рабов, лазы – 17%, болгары – 12%, русские – 5% [5; 644]. В основном, Генуя принимала тот человеческий товар, который ей поставляла Каффа. Восточных (черноморских) рабов было много больше, чем «сарацин». Балар отмечает, что 4/5 рабов, продававшихся в Генуе, были уроженцами восточных районов Черного моря [2; 291].

Этнические клички вместо имен говорят о недавнем происхождении невольника: рабы были захвачены незадолго перед тем, как их продали и нотариусы, и их клиенты даже не знают как назвать своих клиентов, указывая их по названию национальности – Ч(дж)аркасиус, Ч(дж)аркасия. Соответственно, турецкий раб получил имя Отман. Но встречаются и настоящие имена – например, Sabagi – имя черкесского раба [5; 649]. Это имя может быть сопоставлено с Жабаги – хорошо известное черкесское имя по более поздним источникам (например, Жабаги Казанок, политический деятель XVIII в.). Sabagi можно сопоставить еще с одним черкесским именем – Сибек (Сибок, жаневский князь середины XVI в.).

В источниках часто встречаются свидетельства о предоставлении свободы, по истечении какого-то времени, по состоянию здоровья и возрасту, либо после смерти хозяина, что говорит нам о том, что европейцы в моральном отношении тяготились рабованием. Так, бакалейщик Гвидето завещал освободить после его смерти двух рабов – Маргариту, чья национальность не указывается и черкеса Мартино. В 1299 г. Мельяно Сальфаджо освободил двух рабов – Лазино (видимо, лаз по происхождению) и Чаркасию [5; 666].

Сохранились свидетельства того, что бывшие рабы выкупали на волю своих соратников. Так, Дживанни де Джаркасия (Giovanni de Jarcahia), принадлежавший ранее Джакомо Помеллино, помог черкесу Орко (Orco) выкупиться из рабства. Вполне возможно, что имя Орко отражает адыгское оркъ «дворянин» [5; 678].

В итоге, в Генуе появились небольшие этнические общины, состоявшие из бывших рабов, где новые вольноотпущенники могли найти помощь и поддержку. Автор XV в. Агостино Джустиниани рассказывает любопытную историю о черкесской рабыне по имени Маргарита, которая в 1462 г. принадлежала ремесленнику и страдала от неизлечимой болезни. С огромной набожностью она поцеловала обрывок власяницы Святой Католины Сиенской и была исцелена. Государство затем освободило ее, что отражало осознание греховности рабства, а также чувство уважения к святой [6; 282 – 283].

Ф. Панеро предлагает искать ментальные и культурные истоки известного образа «генуэзского крепостного» (genovese servaggio) не столько в условиях жизни зависимого крестьянина, сохранявшего личную свободу, сколько в эпоху, когда Генуя стала центром работорговли [7].

Численность черкесов в Каффе и Генуе

Власти Генуи в этот период стремятся поставить под свой контроль торговлю людьми, которую вели ее подданные, а также и все те, кто пользовался генуэзскими портами. С этой целью в Каффе было основано особое учреждение – Оффициум Свя-

ЧЕРКЕСЫ В КАТАЛОНИИ

5

того Антония – которое собирало налоговые сборы со всех сделок и годовые сборы за владение рабом [2; 299]. В материалах венецианского нотариуса Бенедетто Бьянко, фиксировавшего сделки в Тане, в период с 1359 г. по 1366 г. фигурирует 26 генуэзских продавцов, стремившихся обойти налог на работоторговлю, установленный властями Кафы [2; 300].

Каффа не была только транзитным пунктом, но и сама эксплуатировала рабский труд. Здесь было достаточное количество богатых жителей, которые могли позволить себе содержание одного или нескольких рабов. Численность рабов в общей численности населения может быть легко определена. Так, в 1385 – 1386 гг., Томмазо ди Монтальдо собрал налог по 8 аспров за каждого раба. Сбор в 4240 аспров позволяет оценить численность рабского населения Каффы в 530 человек. Если соотношение между свободными и несвободными в Каффе может быть сравнимо с тем, которое существовало в Генуе, примерно 3%, то это будет означать, что население Каффы почти равнялось 20 000 человек.

Кем были эти рабы? Чаще всего в эти годы Каффа импортирует подростков. Среди тех, кто зафиксирован в записях Массарии, бухгалтерской книги казначейства, 2/3 по-прежнему носили языческие имена, татарские и черкесские: Achoga, Cotalboga, Mogalboga, Jharcasius, Chexica, Torontai и пр. Более половины каффских рабов принадлежали генуэзским или латинским хозяевам, а остальные – грекам, армянам, татарам, сирийцам и евреям [2; 301 – 302].

Население городской агломерации Генуи в 1531 г. составляло по разным оценкам от 80 до 100 тысяч человек [8; 305 – 306]. Но надо иметь в виду, что после середины XV в. Генуя переживала экономический и политический кризис. В мае 1522 г. последовало вторжение имперской армии Карла V, поддержанное итальянскими силами, закончившееся тотальным разграблением города [9; 60].

Таким образом, в XV в. население генуэзской агломерации было существенно больше, чем 100 тысяч человек. Если черкесы составляли 0,75%, то постоянно присутствующее черкесское население здесь составляло порядка 700 – 800 человек, в большинстве своем, женщин. Учитывая, что они происходили из относительно небольшой территории, то уровень их этно-территориальной солидарности был выше, чем у русских и татарских рабов. Более частой была ситуация, когда вместе или поблизости друг от друга поселялись кровные родственники. Эта повышенная сплоченность описана хорошо на примере черкесских мамлюков Египта [10; 140 – 144].

Среди черкесских рабов могли время от времени попадаться люди, обладающие высоким уровнем мастерства

в ремесле, владении оружием, сельском хозяйстве, народной медицине. Подобные навыки почти обязательно способствовали более комфортному существованию, успешной социо-культурной адаптации.

Бегство было наиболее типичной формой сопротивления неволе. В 1393 г. два черкеса бегут из Генуи на Корсику, их ловят и возвращают обратно. В июле 1395 г. два других черкеса, 38 и 36 лет, бегут из Генуи и в октябре их обнаруживают в Павии [11; 824].

Свидетельством успешной карьеры бывшего невольника на Западе служит биография первого католического архиепископа Черкесии Иоанна, который был рукоположен в сан архиепископа Черкесии 21 февраля 1349 г. в Авиньоне папой Климентом VI [12; 111]. Заметим, что бывший невольник вряд ли сразу был посвящен в сан архиепископа, но, надо полагать, совершил церковную карьеру от рядового монаха до, быть может, настоятеля монастыря в Западной Европе.

Динамика продаж на протяжении эпохи

М. Балар отмечает, что, если в 1300 – 1320 гг. черкесов было примерно столько же, сколько русских и кипчаков (куманов), то после 1350 г. черкесских невольников становится больше чем русских и кипчаков вместе взятых. Балар обращается к труду Интериано и констатирует, что рабы составляли низший эшелон черкесского общества и были предметом торговли для князей и дворян, а работоторговля, таким образом, являлась специфической чертой местной экономики. Власть Каффы установили прочные отношения с черкесскими князьями, закупая у них не только зерно и продукты питания, но и рабов. Девочки-подростки и молодые женщины превосходили числом юношей.

В период между 1320 и 1370 гг. черкесы упоминаются редко, что было обусловлено отсутствием большого спроса, но после 1375 г. одновременно с общим ростом цен, произошел рост продаж черкесских рабов. Согласно Балару, в XV в. черкесы составляли самую многочисленную группу рабов в Генуе [11; 791 – 792, 799]. Как отмечает Р.Н. Какия, доля зихских (черкесских) рабов составила 53,7 % от всей массы рабов из бассейна Черного моря на протяжении последней четверти XV в. [13; 39, 43 – 44].

Важнейший фактор, определивший возрастание доли черкесов на рынке рабов – пандемия чумы 1347 – 1352 гг., получившая в европейской историографии образное наименование «Черная Смерть». Пандемия спровоцировала затяжной политический кризис в Золотой Орде, известный в русских летописях как «великая зямтяня». Децентрализация, частые войны и хозяйственный упадок привели к резкому демографическому регрессу. «Черная Смерть» считается одним из ключевых факторов сокращения чис-

ленности тюркских мамлюков [14; 67 – 68; 15; 138 – 140].

Б.З. Кедар подчеркивает, что «обезлюденье, конечно, способствовало экспорту черноморских рабов в города Италии, испытывавших острый недостаток в рабочей силе». А также и «мамлюкская армия Египта была сильно ослаблена периодическими вспышками чумы, и это приводило к тому, что султаны просили своих генуэзских поставщиков солдат-невольников поскорее восполнить потери» [16; 14].

Увеличение притока рабов в Геную могло стать побочным итогом увеличения масштабов работоторговли в бассейне Черного моря. Дело в том, что огромная масса рабов была на постоянной основе востребована мамлюкским Египтом. Основной регион мобилизации – Черкесия и Крым. Поскольку почти монопольное владычество на море принадлежало Генуе, то и самое интенсивное участие в торговле людьми со стороны ее подданных было экономически и политически предопределенным процессом [17; 1].

Д. Абулафия отмечает, что продажа генуэзцами черкесских рабов в Египет стала фундаментом военной мощи мамлюков [18; 357]. Весьма характерно, что генуэзцы выполняли роль торговых представителей мамлюкских правителей Египта. Бертрандон де ла Брокьер в Дамаске в 1432 г. встретил генуэзца Джентиле Имперiale, о котором он сообщает, что тот является агентом султана Барсбая в Кафе [19; 146]. Попытки блокировать поставки рабов в Египет предпринимались со стороны римских пап и кипрских королей [20; 227].

Таким образом, роль посредников между золотоордынской и черкесской знатью, с одной стороны, и мамлюкским правительством, с другой стороны, сделала генуэзцев хозяевами положения. Они же закономерно стали главными поставщиками невольников из бассейна Черного моря в Италию и Испанию.

Национальность, возраст и пол были основными категориями, которые влияли на цену раба. Из четырех мальчиков, продажа которых завершена Л. ди Самбучето в 1289 – 1290 гг. в Каффе, и которые обошлись покупателям в 300, 430, 500 и 675 аспров, трое были черкесами. Венгр Павел 30-ти лет стоил 130 аспров, тогда как абхаз Венали того же возраста стоил 500 аспров [2; 294, 296].

В источниках редко упоминаются многолетние 40-летние матери, но обычно возраст рабов юный. Продажа 10-14-летних детей, сама по себе, указывает на их недавнее порабощение. Средний возраст мужчин, по актам Л. ди Самбучето, составляет 11,3 года; для женщин – 15,6 года.

В целом, как кажется, цвету кожи не придавалось большого значения ни продавцами, ни покупателями. Но эти указания, вместе с тем, присутствуют во многих контрактах: примерно в пятой части изу-



Андреа Мантенья (Andrea Mantegna). Кардинал Карло де Медичи (Cardinal Carlo de' Medici). 1666 г. Дерево. Темпера. 40,5 x 29,5 см. Галерея Уффици. Флоренция.

ченного корпуса памятников. Так, рабыня Зихия (Zugue) 18 лет указана как «рыжая и белая» («rouge et blanc»). В случае с женщинами генуэзцы чаще обращали внимание на белый цвет кожи [11; 787].

Приведем выдержки из купчих архива каффского нотариуса Ламберто ди Самбучето, в которых отражены пол, возраст, цвет кожи, цена, транслитерации этнонимов черкес (Черкесия) и зих (Зихия), а также даты, что говорит об интенсивности продаж: 10-летняя черкешенка (Jarcaxa) Калюза (Caluza), 2 мая 1289 г., 231 аспр; черкешенка (carcasiam) Кармозина (Carmosina), 11 мая 1289 г., 450 аспров; 10-летняя смуглая черкешенка Джаркасия (Jarcaxia), 16 мая 1289 г., 400 аспров; черкешенка (Carcasa) Джанета (Janeta), 26 мая 1289 г., 450 аспров; 13-летняя черкешенка (Jarcaxa) Кристина (Cristina), 26 мая 1289 г., 600 аспров; 14-летняя белая черкешенка (Jarcaxa, albam), 2 июня 1289 г., 560 аспров; 22-летняя черкешенка (Carcasiam), 5 июня 1289 г., 600 аспров; 12-летняя белая черкешенка (album vocatum Jarcaxus de proienie Jarcaxa), 6 июня 1289 г., 430 аспров; черкешенка Сикина (Jarcaxiam de proienie Jarcaxa nominatam Sichinam) 7 июня 1289 г., 400 аспров; 14-летний белый черкес Тас (unam nominatum Taxium de proienie Jarcaxia, ...album), 14 июня 1289 г., 575 аспров; 14-летний белый черкес Джаркасиус (Jarcaxium nominatum Jarcaxius, album), 1 июля 1289 г., 750 аспров; белый раб из Зихии Мартин (de proienie zichi, album, nominatum Martinus), 12 июля 1289 г., 360 аспров; белый черкес Джаркасиус (Jarcaxium nominatum Jarcaxius, album), 20 июля 1289 г., 300 аспров; 12-летний черкес (Jarcaxium nominatum Jarcaxius), 22 июля 1289 г., 340 аспров; 12-летняя смуглая черкешенка (brunam olivegnam proienie Jarcaxia), 28 июля 1289 г., 350 аспров; 12-летняя смуглая черкешенка (brunam olivegnam proienie Jarcaxia), 28 июля 1289 г., 350 аспров; 12-летняя черкешенка (Jarcaxa), 29 июля 1289 г., 345 аспров; черкешенка Корпа (Corga de proienie Jarcaxia), 2 мая 1290 г.; смуглый 10-летний

черкес Соголи (Carcasium nominatum Sogoli, olivegnum), 4 мая 1290 г., 475 аспров [4; 183, 189, 194 – 195, 198 – 199, 204, 207 – 208, 210, 219, 236, 242 – 243, 247 – 248, 251, 280 – 282].

Л. ди Самбучето заверил продажу 26 мужчин (43,3%), против всего 34 женщин (56,7%). Это не типично для рынка Генуи, если оценивать весь период, но, поскольку речь идет о Крыме, гендерное распределение в сделках коллекции Самбучето представляется адекватным ситуации на рынке. По замечанию Балара, племена Кавказа, движимые голодом, не обращали внимания на возраст и пол, продавали маленьких детей, которые были еще не в состоянии работать [2; 292, 294].

На Западе, потребность в мальчиках состояла в том, чтобы помогать хозяевам в домашних делах и мастерам-ремесленникам в качестве подмастерьев. Но гораздо больший спрос на мальчиков и взрослых мужчин существовал в Каире, столице военных рабов, ставших султанами.

Цена раба существенно возросла после того, как его доставляли в Геную или, в целом, на Запад. В июне 1291 г. в Генуе 14-летний черкес был продан за 18 генуэзских ливров, учитывая, что 7 дение равнялись S аспра, то его цена составила примерно 575 аспров, притом, что средняя цена раба этого возраста в Каффе была 470 аспров. Другой пример: в ноябре 1293 г., в Генуе 18-летняя черкешенка была продана за 20 генуэзских ливров, что равнялось 640 аспрам, т.е. на 140 аспров больше, чем среднее значение в Каффе [2; 297].

Наличие грудного ребенка позволяло эксплуатировать невольницу в качестве кормилицы. Так, 30 марта 1311 г. 24-летняя черкешенка (Carchaxionum) Лючия, имевшая одномесячную дочь, была продана в Генуе за крупную сумму [21].

Проблемы со здоровьем, существовавшие на момент сделки, могли стать поводом к ее расторжению. Так, черкешенка (lharchasiorum) Катерина в Генуе, 12 октября 1457 г., подверглась медицинскому освидетельствованию двумя врачами по просьбе покупателя и продавца. Катерина была возвращена продавцу по причине того, что страдает от ленточных червей (tinia) и отсутствия менструации, из-за чего в дальнейшем могли возникнуть серьезные заболевания [22; 193].

Черкесские рабы в Каталонии

В 80-е гг. XIII в. в Западном Средиземноморье началась своего рода «рабская революция»: настоящий бум торговли рабами, что имело очевидные последствия для развития экономики и социальных институтов. Это явление было спровоцировано арагонским завоеванием арабской Менорки, большая часть населения которой была продана в Барселоне и Валенсии. Следом пошел поток чер-

номорских рабов [21; 2].

Г. Пистарино, на основе коллекции документов, введенных в оборот Д. Джоффри, отмечает, что среди покупателей рабов на рынке Генуи в XV в. значительную группу составляли испанцы, в большинстве – представители Каталонии. Иногда фигурируют кастильцы и баски. Они покупали рабов-мавров, а также рабов из Восточной Европы и Кавказа. Среди последних перечислены 37 сделок по приобретению русских рабов (из них 29 – женщины), 35 сделок – черкесы (21 – женщины), 22 сделки – татары (11 – женщины). Значительную группу составляют абхазы (11), упоминаются также болгары (5), турки (4), мегрелы (1) [23; 141]. О масштабах трафика рабов из Генуи в Каталонию свидетельствует тот факт, что в 1413 г. 27 каталонцев закупили в Генуе 82 раба [23; 136].

Из сохранившихся источников хорошо видно, что каталонцы специально приезжали в Геную для закупки рабов из восточных регионов Черного моря. В 1275 г. зафиксирована первая сделка по перепродаже в Каталонию – Пьетро Сафранега из Барселоны приобрел русскую невольницу Баладу. В 1280 г. некий генуэзский портной Оберто продал жителю Майорки черкешенку [5; 670]. Среди покупателей упоминается представитель короля Арагона, который закупил татарских и черкесских рабов [23; 135]. В 1450 г. 22-летняя черкешенка Агнесса была арендована каталонцем Бернардо Дала у генуэзца Франческо Джустиниано на два года за 40 ливров [21; 6].

Пиза (Тоскана)

Данные по этому городу крайне фрагментарны. В нашем распоряжении только три акта. Татарка или черкешенка Маргарита, 14 июня 1398 г. Андреа ди Франческо из Флоренции, от имени Ранерио Ноччи из Сан-Савино и его компании, продает судовладельцу Пьеро Гиньеру из Валенсии белую рабыню из Черкесии, татарского происхождения, (sclavam albam de Circascia, de progenie tartarorum; возможно другое прочтение: Circascie de Tartaria, тогда получается прочтение «белая рабыня из Черкесии, Татарии»), названную Маргарита, 24 лет, за 42 флорина [24].

Черкешенка Магдалена, 17 сентября 1402 г. Паоло ди сер Сеу, гражданин Пизы, продает Микеле ди Бененато, купцу из Сан-Джиминьяно, проживающему в Пизе, смуглую рабыню черкешенку (circassie) по имени Магдалена, среднего роста и 21 года, за 66 флоринов, при условии, что она не может вернуться в Геную, в противном случае она будет потеряна для покупателя и может снова быть продана продавцом [25].

Черкешенка Мария, 12 апреля 1415 г. Андреа Симон от имени Джакомо ди Джакомини из Флоренции, продает Марко ди Никола Деспи из Майорки высокую черкешенку по имени



Серджио Чиркасси

Мария, 20 лет, за 70 флоринов. Отмечается, что в том случае, если рабыня «из народа, который не может быть продаваем, сделка должна быть аннулирована» [26]. Это последнее уточнение весьма важно, поскольку свидетельствует о существовании практики законного принуждения к освобождению раба в случае его христианской принадлежности. Ясно, что на практике о христианстве пленников предпочитали не говорить, но, надо полагать, что вряд ли мог быть продан в рабство полностью воцерковленный человек, например, священник Зихской епархии.

Флоренция

С этим городом связана одна из наиболее известных личностей, родители которой были достаточно характерной парой этого времени: отец, состоятельный итальянец, а мать – черкесская рабыня. Это – Карло де Медичи (1427–1492), внебрачный сын Козимо Медичи от черкешенки Магдалены, купленной его агентом в Милане. К. де Медичи был признан отцом и совершил церковную карьеру. Был аббатом Сан-Сальваторе в Вайано, папским сборщиком налогов и нунцием в Тоскане, деканом (декан – старшее после епископа духовное лицо, прим. С.Х.) в Прато, начиная с 1460 г. К. де Медичи оставил заметный след в истории и культуре Флоренции. Подобно своему великому отцу, он являлся меценатом, покровителем художников, собирателем произведений искусства [27]. Один из гениев итальянского Возрождения Андреа Мантенья создал портрет этого итапо-черкеса.

В. Филипс в монографии, посвященной истории работорговли, отмечает: «В 1427 г. у Козимо де Медичи из Флоренции родился незаконный сын от черкесской невольницы. Позднее ребенок был признан и закончил свою жизнь настоятелем Прато» [28; 98]. Филипс приводит весьма показательные сведения о работорговле во Флоренции в период, предшествующий появлению здесь матери Карло. Это лист рабов, проданных во Флоренции с 1366 по 1397 г.: татары – 274; греки – 30; русские – 13; турки – 8; черкесы – 4; боснийцы – 5; крители – 1; мусульмане – 22. Эти данные свидетельствуют, что во Флоренции черкесские рабы были редкостью и, видимо, стоили дорого [28; 105].

Другими центрами торговли рабами были опорные пункты генуэзской колонизации – Пера и Хиос. На Хиосе, который был своего рода перевалочной базой на пути в Египет, численно преобладали основные племена мамлюкской армии – татары и черкесы [2; 303, 308]. Значительным центром торговли рабами, в том числе и черкесами, являлись Сиракузы на Сицилии [29; 307]. В Италии сохранилась фамилия Чиркасси (Circassi, Cercasi), которую можно встретить не только в Генуе, но и в Милане, Риме, Турине, других городах [30].

Итак, импорт черкесских рабов в Геную и другие европейские государства Западного Средиземноморья представлял собой достаточно масштабный исторический и демографический процесс, имевший, как нам представляется, отрицательное воздействие на демографическое и культурное развитие Черкесии.

Черкесские рабы и вольноотпущенники, по всей видимости, сформировали, наряду с «сарацинами», русскими и татарами, самостоятельную национальную общину на территории городской агломерации Генуи (Лигурии). Дошедшие до нашего времени, пусть и крайне фрагментарные, данные позволяют предполагать сохранение языка, обычаев и культурных навыков, приобретенных на исторической родине. Весьма важными являются свидетельства этно-территориальной солидарности, когда бывшие рабы содействовали выкупу из неволи своих соотечественников, а, учитывая размах работорговли, мы можем представить, что многие кровные родственники волею судьбы оказывались вместе в Генуе, Барселоне и других городах этого наводненного рабами региона.

Примечания:

1. Bosworth, C.E. Recruitment, Muster, and Review in Medieval Islamic Armies // War, Technology and Society in the Middle East. Edited by V.J. Parry and M.E. Yapp. N.-Y.: Oxford University Press, 1975. P. 59 – 77.
2. Balard, M. La Romanie genoise (XIIe-debut du XVe s.), Bibliotheque des Ecoles francaises d'Athenes et de Rome, fasc. 235, 2 vol., Genes-Rome, 1978. Vol. 1. 494 p. Монография издана в серии ASLSP: Atti della Societa Ligure di Storia Patria. Nuova Serie. Vol. XVIII (XCII). Fasc. I. Maotre de conferences a l'Universite de Reims.
3. T'oung pao ou archives concernant l'histoire, les langues, la geographie et l'ethnographie de l'Asie Orientale. Revue dirige par Henri Cordier et Paul Pelliot. Vol. XXI. Leiden: E.J. BRILL. 468 p.
4. Bratianu, G.I. Actes des Notaires Genoises de Pera et de Caffa de la Fin du Treizieme Siecle (1281 – 1290). Bucarest: Cultura Nationala, 1927. 375 p.
5. Balard, M. Remarques sur les esclaves a Genes dans la seconde moitie du XIIIe siecle / Melanges d'archeologie et



Барбара Чиркасси

d'histoire. 1968, Volume 80, Numero 2, pp. 627 – 680.

6. Epstein, S.A. Genoa and the Genoese 958 – 1528. The University of North Carolina Press, 1996. 416 p.

7. Panero, F. L'avvio della tratta degli schiavi a Genova e le sue ripercussioni sul servaggio medievale // Quaderni storici, vol. XXXVI, n. 2, agosto 2001, pp. 337 – 348.

8. Felloni, Giuseppe, Popolazione e case a Genova nel 1531-35 // ASLSP, nuova serie, IV/2 (1964), pp. 303 – 323.

9. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги / Пер. с фр. М.А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2003. 808 с.

10. Ayalon, D. The Circassians in the Mamluk Kingdom // Journal of the American Oriental Society. Vol. 69. Pt. 3. New Haven, 1949. P. 135 – 147.

11. Balard, M. La Romanie genoise (XIIe - debut du XVe siecle) // ASLSP, nuova serie, XVIII/2 (1978), vol. II, p. 497–1008.

12. «Libellus de Notitia Orbis» Ioannes III. (De Galonifontibus?), O.P. Erzbischofs von Sulthanyeh, von dr. Anton Kern // Archivum Fratrum Praedicatorum. Vol. VIII. Roma: Istituto Storico Domenicano S. Sabina, 1938. P. 82 – 143.

13. Кацья Р.Н. Некоторые сведения о генуэзской торговле невольниками кавказского происхождения в XIII–XV вв. // Труды Абхазского государственного университета им. А.М. Горького. Т. IV. Сухуми: «Алашара», 1986. С. 39, 43 – 44.

14. Ayalon, D. The Plague and its Effects upon the Mamluk Army // Journal of the Royal Asiatic Society. L., 1969, pp. 67 – 73.

15. Raymond, A. Cairo City of the history. Transl. by W. Wood. Cairo: The American University in Cairo Press, 2001. 436 p.

16. Kedar, B.Z. Merchants in Crisis. Genoese and Venetian Men of Affairs and the Fourteenth-Century Depression. New Haven and London: Yale University Press, 1976. 260 p.

17. Stello, A. La traite d'esclaves en Mer Noire au debut du XVe siecle // Intervention au colloque international «Esclavages en Mediterranee et en Europe Centrale. Espaces de traite et dynamiques economiques (Moyen Age et temps modernes)» (Casa de Velazquez, Madrid, 26-27 mars 2009). Published online in Medieval Mediterranean Slavery: Comparative Studies on Slavery and the Slave Trade in Muslim, Christian, and Jewish Societies

(8th–15th Centuries). URL: <http://med-slavery.uni-trier.de:9080/minev/MedSlavery/publications/TraiteEsclavesMerNoire.pdf> – (April 2009)

18. Abulafia, D. L'Economia Italiana e le Economie Mediterranee ed Atlantiche // L'Italia alla fine del Medioevo: i caratteri originali nel quadro europeo, Tom 1. A cura di Francesco Salvestrini. Firenze University Press, 2006, pp. 355 – 380.

19. Brocquiere, B. de la. Travels to Palestine during the years 1432 and 1433. Transl. by Thomas Johnes. Hafod, 1807. 336 p.

20. Verlinden, Ch. Le commerce en Mer Noire des debuts de l'epoque byzantine au lendemain de la conquete de l'Egypte par les Ottomans (1517) // XIII Congrès international des Sciences historiques. Moscou, 1970, pp. 218 – 230.

21. Cluse, Ch. (Treves). Femmes en esclavage: quelques remarques sur l'Italie du Nord (XIV^e – XV^e siecles) presentation au seminaire de la Nouvelle Gallia Judaica, «Juives et chretiennes au moyen age et a l'epoque moderne: parentes, rituels, culture». Montpellier, 23^e avril 2007 published online in Medieval Mediterranean Slavery: Comparative Studies on Slavery and the Slave Trade in Muslim, Christian, and Jewish Societies (8th–15th Centuries). URL: <http://med-slavery.uni-trier.de:9080/minev/MedSlavery/publications/Femmes.pdf> – (May 2008)

22. Tria, L. La Sshivitu in Liguria (ricerche e documenti). Genova, 1947 // ASLSP, vol. LXX, 253 p.

23. Pistorino, G. Tratta di schiavi tra Genova e la Spagna nel secolo XV. Medievalia. Vol 7, Barcelona, 1987, pp. 125 – 149.

24. URL: http://med-slavery.uni-trier.de/minev/MedSlavery/sources/selected-documents-by-the-pisan-notary-giuliano-di-collino-1/13970614_Pisa.pdf/view

25. URL: http://med-slavery.uni-trier.de/minev/MedSlavery/sources/selected-documents-by-the-pisan-notary-giuliano-di-collino-1/14010917_Pisa.pdf/view

26. URL: http://med-slavery.uni-trier.de/minev/MedSlavery/sources/selected-documents-by-the-pisan-notary-giuliano-di-collino-1/14150412_Pisa.pdf/view

27. Carlo de' Medici // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Carlo_de%27_Medici

28. Phillips, W.D. Slavery from Roman times to the early transatlantic trade. Manchester University Press, 1985. 286 p.

29. Ligresti, D. Sicilia aperta (secoli XVI-XVII): Mobilita di uomini e idie. Palermo: Associazione Mediterranea, 2006. 362 p.

30. URL: <http://wiki.hattrick.org/wiki/Petacciato> ; <http://www.inelencocom/?dir=vedi&id=7893660-privativie&nome=Circassi%20Patrizia> ; <http://www.inelencocom/?dir=vedi&id=20069074-privativie&nome=Circassi%20Claudio> ; <http://www.paginebianche.it/piemonte/torino/circassi.html> ; <http://www.paginebianche.it/lombardia/bresso/circassi.html> ; <http://www.aziende-italia.net/web/aziende.php?serv=1&letter=&pag=814>